

движенія я избралъ китайскую закрытую тележку, внутри которой мнѣ можно было спрятаться отъ любопытныхъ глазъ; снаружи же усаживался В. Ө. Ладыгинъ, свободно переносившій всякую уличную толпу въ Китаѣ. Первый, къ которому мы поѣхали съ визитомъ, былъ Цинъ-цай—Бань-ши-да-чень, бывшій сыланъ инородческаго приказа, родомъ манчжуръ — Ко-пу-тун-и. Невысокаго роста, коренастый, округлый съ небольшими темными глазами и здоровымъ лицомъ онъ производилъ хорошее впечатлѣніе. Послѣ обычныхъ пріѣтствій Цинъ-цай утонченно поблагодарилъ за подарокъ, а затѣмъ съ улыбкою началъ выражать свой восторгъ по поводу моего благополучнаго возвращенія изъ Тибета.—„Вы такой жизнерадостный, энергичный, счастливый, что глядя на васъ самъ молодѣешь душою; я только отчасти могу представить себѣ тѣ невзгоды, трудности и лишенія, какія вы переносили непрерывно въ теченіе двухъ слишкомъ лѣтъ; вы вышли изъ всего побѣдителемъ и привезли съ собою научныя драгоцѣнности, и какъ теперь я искренно радъ, что вы вернулись здоровыми и невредимыми. Въ ваше отсутствіе я получилъ нѣсколько депешъ, одна тревожнѣе другой; и въ Россіи, и въ Китаѣ считали вашу экспедицію погибшей. По возвращеніи же моихъ посланныхъ изъ Цайдама, доставившихъ мнѣ отрадныя извѣстія, я тотчасъ телеграфировалъ о томъ въ Пекинъ. Въ настоящее время, вѣроятно, и ваша родина радуется за ваше благополучное странствованіе и смѣло надѣется на такое же возвращеніе.“ Далѣе разговоръ перешелъ къ самому путешествію; Цинъ-цай очень интересовался восточнымъ Тибетомъ и племенами его населяющими. Съ своей стороны я коснулся было современной политики Китая по отношенію къ европейскимъ государствамъ, но, какъ и слѣдовало ожидать, Бань-ши-да-чень искусно перешелъ на другую тему:—„васъ, вѣроятно, ожидаютъ въ Россіи почетныя награды!“ Поблагодаривъ Цинъ-цай'я еще разъ за его предупредительность и любезность, много разъ проявленныя какъ къ экспедиціи, такъ и ко мнѣ лично, я отправился къ дао-тай'ю или губернатору. Во дворѣ и за дворомъ меня сопровождала многочисленная толпа, державшая себя крайне прилично.

Дао-тай тоже манчжуръ, переведенъ въ Сининъ изъ Кульджи, гдѣ занималъ подобную же должность. Въ Кульджѣ онъ былъ хорошо знакомъ съ покойнымъ В. М. Успенскимъ и прочими членами російскаго консульства. Представительный, молодцоватый дао-тай тѣмъ не менѣе выглядѣлъ крайне опечаленнымъ; причиною этой печали,